

УДК 314

DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/7-16

*Рыжова Н.П., Васильева О.Г.
Ryzhova N.P., Vasil'eva O.G.*

**Российский Дальний Восток «как череда экспериментов»:
поиск подходов к объяснению причин успехов и неудач
освоения периферийных регионов**

**The Russian Far East as a "string of experiments":
approaches to study reasons behind successes and failures
in development of peripheries**

В обзорной статье рассмотрены возможные подходы к исследованию причин отставания периферийных регионов по уровню социально-экономического развития в русле институциональной экономической теории. Показано, что освоение российского Дальнего Востока можно рассматривать как серию институциональных экспериментов в политической, экономической и социальной сфере. Применение институционального инструментария к данным экспериментам позволит приблизиться к объяснению причин социально-экономического отставания региона.

Ключевые слова: *институты, развитие, институциональный эксперимент, российский Дальний Восток*

The paper reviews a recent progress of new institutional economics in studying reasons behind development gap of peripheral regions. It argues that colonization and development of the Russian Far East should be approached as a string of experiments in political, economic and social spheres. Using institutional approaches and instruments to an analysis of experiments will allow to explain reasons behind the region's poverty trap.

Key words: *institutions, development, institutional experiments, the Russian Far East*

Почему российский Дальний Восток (далее – РДВ) не повторил историю успеха западного побережья США и Канады? Почему Владивосток не стал новым Сан-Франциско или Ванкувером? Какое влияние оказывали и оказывают исторические и современные политики и практики колонизации и освоения РДВ, применяемые национальными, субнациональными и локальными властями, на его долгосрочное развитие?¹

РЫЖОВА Наталья Петровна, д.э.н., заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества ИЭИ ДВО РАН и профессор Академического департамента ДВФУ (г. Владивосток). **E-mail:** ryzhova.np@dvfu.ru

ВАСИЛЬЕВА Ольга Геннадьевна, к.э.н., заведующий Амурской лабораторией экономики и социологии ИЭИ ДВО РАН (г. Благовещенск). **E-mail:** ogvasilyeva@gmail.com

¹ Авторы искренне благодарят Сергея Глебова (Sergey Glebov, Amherst college), Вилларда Сандерленда (Willard Sunderland, University of Cincinnati) и других коллег, участвовавших в обсуждении исследовательских проектов, поданных на конкурс мега-гран-

Эти и другие сходные вопросы, конечно, не раз привлекали отдельных отечественных и зарубежных учёных и даже целые институты. Предлагаемые ответы во многом зависели от дисциплинарной принадлежности, избранной теоретической рамки, использованных исследователями методов и данных. Имперская история как широкая рамка, и конкретный управленческо-региональный подход вместе с выбором хронологических границ позволили известному российскому историку А. Ремневу выявить значение географии, рассматриваемой через властные отношения, для успехов и провалов России в её движении на восток [5]. Вновь география, но уже измеряемая конкретным показателем январских температур, осмысленная через идеи политической экологии, привели Ф. Хилл и К. Гэдди к выводам о том, что освоение Сибири (контуры которой у авторов включают и Дальний Восток) было, по сути, просчётом планового советского хозяйства [6]. В этой книге, вызвавшей не только научную полемику, но и ожесточённые публичные споры, не обсуждается фактор цены расстояния, что, кстати, могло бы даже добавить убедительности авторским заключениям о необходимости переселения людей из сибирских городов. Цена расстояния как фактор дополнительных экономических затрат, а также значение политико-экономических решений для долгосрочного развития Дальнего Востока рассматриваются в книге П. Минакира [2].

В данной статье мы хотим предложить альтернативный теоретический подход, применение которого может дать новые ответы на поставленные вопросы. Этот подход продиктован последними достижениями новой институциональной экономической теории в объяснении причин провалов и успехов разных стран в освоении периферий и колоний. Этот подход исходит из предположения, что не география или наделенность ресурсами, а институты (или не только они) «отвечают» за неравномерность экономического развития. Сразу должны оговориться, что статья представляет собой именно изложение теоретической рамки, но не её применение, что определяет её обзорный характер.

Как изучать? Дискуссии о влиянии институциональных изменений на развитие периферий

Неоинституционализм как пространство диалога. Истории известно множество попыток и моделей освоения периферий, колоний, фронтальных территорий, приведших к совершенно разным результатам в терминах социального, экономического и политического развития. Безусловной историей успеха принято считать опыт США и Канады, хотя модели и степень их освоения качественно отличаются. На другом конце спектра находятся страны Африки, особенно южнее Сахары, ни колонизация которых, ни постколониальное развитие не привели к избавлению населения от нищеты, болезней, недостаточного питания и прочих пороков отстающего развития. Все остальные случаи лежат между этими предельными «моделями» — это и опыт освоения фронтальных территорий Австралии, и освоение странами Латинской Америки бассейна Амазонки.

Несмотря на активную дискуссию, было бы ошибкой заявить, что исследователи близки к пониманию фундаментальных причин успехов и неудач развития. Для того чтобы приблизиться к такому пониманию необходимо усилить диалог между представителями разных научных дисциплин. Диалог, примером которого могут служить недавно опубликованные книги институционалистов [1; 3; 4], необходим по многим

тов. Хотя коллективы не получили финансовую поддержку, содержательная работа над заявками стимулировала наш исследовательский поиск.

причинам. Начиная с самых очевидных, таких, как хорошее сочетание умения экономистов строить обобщающие модели с антропологическими и историческими методами накопления эмпирического материала о развитии колоний и постколониальных стран. И заканчивая возможностью создания более глубоких объяснительных моделей, учитывающих культурные и исторические различия в моделях власти и способах организации экономического и социального пространства в рамках отношений «центр-периферия»; объясняющих специфику правил, норм и ценностей представителей разных культур, неминуемо вступавших во взаимодействие на колонизируемых, осваиваемых, заселяемых территориях.

География или институты? Когда вспоминают о Сибири и Дальнем Востоке, нередко находят наиболее «очевидное объяснение» их отставанию, состоящее в климатических/ географических особенностях. «Географическая гипотеза» (температура, влажность, ландшафт, определяющие болезни, сельское хозяйство и т.п.) некоторое время назад активно эксплуатировалась для объяснения проблем разных периферий [10; 15; 19]. Сейчас «институциональная гипотеза» (распадающаяся как минимум на историческую и культурную) находится в оппозиции к «географической» и, можно сказать, побеждает [7; 8; 14; 16; 17; 18; 23 и другие]. Но, конечно, нельзя исключить, что РДВ может предъявить новые доводы в этом споре.

В рамках институциональной гипотезы делается акцент на влиянии правил, норм, ценностей и организаций/структур на развитие. Так, например, в работе [29] показана положительная связь между институтами (продолжительностью существования централизованного государства), географией (сроками освоения агрокультуры) и текущим уровнем среднедушевых доходов в стране. Авторы работы пришли к выводу о том, что для развития не так важна география, как история предшествующих поколений, в частности знакомство с определёнными политическими институтами, а также существующие правила и нормы населения. Доказательство превосходящего влияния культуры и институтов над географией они проводили на данных по европейским странам, в том числе учитывая изменения этнокультурной структуры населения, имевшее место с XV в.

Культурные особенности переселенцев и/или аборигенного населения? Культурное, лингвистическое, религиозное разнообразие было яркой особенностью российского Дальнего Востока с самого начала его колонизации. Имеет ли значение, какие колонисты сюда приезжали, какие люди здесь жили или как сейчас формируется этнокультурный состав населения? Исследования, выполненные на других странах и регионах, позволяют положительно ответить на эти вопросы. О том, что этнический состав населения, его культура, опыт взаимодействия с институтами в стране/региона исхода, а не только приёма, играют одну из ключевых ролей в объяснении различий в успехах, говорится в [26; 27; 30; 31]. Так, например, в работах [30; 31] показано, что генетическая дистанция между отдельными национальными единицами (или мера, показывающая время, которое прошло с тех пор, как два популяционные сообщества имели общего предка) имеет значение для различий в уровне текущих среднедушевых доходов между ними. Экономическая интерпретация этого вывода состоит в том, что барьеры для миграции людей формируются параллельно с барьерами, влияющими на диффузию инноваций, рождающихся на передовых рубежах технологического прогресса.

В литературе были предприняты попытки оценки влияния преколониальных институтов на современные институты и развитие. В частности, в работе [27] на данных о пространственном распределении

этнических групп в Африке до колонизации и о региональной вариации социально-экономического развития показано, что кросс-границные современные институциональные различия не объясняют социально-экономические различия между отдельными группами. Напротив, авторы показывают, что элементы пре-колониальных институтов имеют большое значение для современного развития.

Насилие имеет значение? РДВ формировался, в том числе, благодаря насилию – в частности, принудительным переселениям в регион, внутри региона, а также из региона. Может ли это иметь значение для его текущего развития? Влияние институтов принудительного переселения на развитие оценивается в ряде работ. Например, в работе [29] предпринята попытка объяснения низкого уровня текущего развития африканских стран работоторговлей, имевшей место ранее. Вклад этой работы состоит в том, что он обнаруживает негативную корреляцию между количеством рабов, экспортированных из отдельных африканских территорий, и их текущим положением. Опыт другого случая массового насильственного переселения (мусульман из Испании в начале XVII в.) свидетельствует об обратном эффекте: регионы, из которых выслали большее число мусульман, демонстрировали более высокие темпы экономического роста [14].

«Одинаковы» ли институты в одной стране? До сих пор мы приводили примеры работ, сравнивающих между собой страны. Но будет ли подобная постановка вопроса (об институтах, созданных для переселенцев или влиянии института собственности на развитие) иметь смысл при обращении к субнациональному уровню? Можно ли тестировать гипотезы о том, что институты, сложившиеся на Дальнем Востоке, могут отличаться от институтов, сложившихся в других регионах страны? Подобные работы были опубликованы. В качестве примера – суды на юге и севере Италии функционируют по-разному. Отталкиваясь от этого факта, в работе [32] доказано, что культурные различия – конкретно, индивидуальные ценности, убеждения, доверие и уважение к другим, самоопределение – дифференцированы даже внутри стран, что приводит к разному функционированию тех же самых институтов, и поэтому культура является основным механизмом, через который история влияет на текущее развитие.

В работе [33] обсуждается, что насилие в отношении евреев в Европе вело к изменениям в культуре (ценностях, и прежде всего в уровне доверия), что в свою очередь вело к ухудшению политического, экономического и социального развития отдельных субнациональных единиц с худшим уровнем насилия по отношению к социально угнетённой группе. Авторы доказали, что устойчивость антисемитских настроений в районах Германии (в частности, погромы в средние века) являются хорошим предиктором таких же настроений в начале XX в., что в свою очередь было связано с последовавшим голосованием за нацистскую партию. В другой работе [22] показано, что насилие (введение «черты оседлости», искусственной границы, определившей территории допустимого вселения евреев в Российской империи) способствовало формированию устойчивой во времени тенденции к преобладанию антирыночных ценностей и установок у современных жителей, проживающих внутри этой границы. Объяснение авторов – среди современных жителей евреев почти не осталось, а потомки тех, кто проживал рядом с этой социально угнетаемой группой, сохранили негативное к ним отношение, а значит, и негативное отношение к рынку, что символически неотделимо.

Каким образом можно отвечать на перечисленные выше вопросы? Что имело наибольшее значение для развития РДВ? То, кем и как регион заселялся? То, какие институты создавались для переселенцев и

самими переселенцами? Имело ли значение насилие, преобладавшее на первых этапах колонизации, но неоднократно применявшееся и позднее? Ответы на эти вопросы требуют выбора конкретных исследовательских сюжетов. Наиболее интересные, на наш взгляд, институциональные эксперименты перечислены ниже.

Что изучать? Типизация «экспериментов» колонизации и освоения края

Включение дальневосточного региона в состав Российской империи 150 лет назад имело, прежде всего, геополитические основы. Опасения британского вторжения во время Крымской войны и такие эпизоды тихоокеанского театра этой войны как бомбардировка, Петропавловска привели российское правительство к заключению о необходимости включить в состав империи и заселить Приамурье и Уссурийский край. В результате эти регионы стали одними из последних по времени территориальных приобретений России. В отличие от Средней Азии, включённой в состав империи примерно в это же время, Дальний Восток стал неотъемлемой частью России. При этом геополитические соображения, соображения безопасности на долгие годы стали основным приоритетом в колонизационной и переселенческой политике Российской империи и позднее – Советского Союза. Долгие годы Дальний Восток был, по сути, военной окраиной, масштабное развитие которой требовало огромных ресурсов и неординарных решений.

Очевидная невозможность быстро заселить и освоить «окраину» в треть своей территории естественным образом требовала от Российского правительства (царского, а затем советского и постсоветского) институциональных экспериментов или специфичных планов, программ, отдельных мер по колонизации, освоению и развитию территории. Соответственно институты (программы, планы, меры – или *правила*, взаимодействующие с культурными *нормами и убеждениями* людей и реализующиеся в *организациях* и /или сетевых структурах), порождающие «регулярность социального поведения», и необходимо изучать для объяснения причин удач и провалов в развитии территории РДВ.

Мы выделяем три типа институциональных экспериментов, изучение которых имеет особенно важное значение для развития РДВ. При этом понимаем, что типизация достаточно условна: так, например, эксперименты с порто-франко (институт в экономической сфере) влияли и на институты, управлявшие миграционными потоками (институт в социальной сфере).

Эксперименты с институтами в политической сфере. К первой группе экспериментов мы относим эксперименты центрального правительства в сфере формально-правовых институтов и местного – в сфере их применения. Здесь интерес вызывают институты гражданства и подданства, ведущие к дифференциации прав, ограничениям в правах отдельных групп населения. Являясь наиболее космополитичным регионом Российской империи, Дальний Восток привлекал, с одной стороны, европейских капиталистов, а с другой – китайских и корейских рабочих. Так, например, согласно переписи 1897 г. половина населения Владивостока являлась иностранными подданными, что было беспрецедентной для империи цифрой. В отношении разных групп разрабатывались и применялись особые институты (подданства – см. [21]), которые могли оказывать влияние, в том числе, на долгосрочное развитие территории.

Эксперименты по созданию, изменению и развитию форм городского и иных самоуправлений, влияние городских самоуправлений на экономическую жизнь региона – ещё один интересный исследовательский сюжет. Опубликованные работы отечественных исследователей

позволяют поставить вопрос о влиянии городского самоуправления во Владивостоке, Хабаровске, и других городах региона на социально-экономическую и политическую динамику и на процессы переселения и освоения территории края.

Эксперименты с институтами в экономической сфере. Здесь интерес вызывают институты установления и изменения прав собственности на землю и другие природные ресурсы, создание специальных экономических зон, различных режимов управления торговыми потоками, порто-франко в царской России и современных зон опережающего развития на российском Дальнем Востоке и другие. Важным аспектом освоения РДВ стало установление и регулирование прав собственности в ранний период, введение особых правовых режимов оборота земли (например, для казаков или подданных Китайской империи, мораторий на продажу земель в период строительства Транссиба, типы земельных общин и др.). Особое место занимал институт захватного землепользования (см. статью Я. Гузей в этом номере). Хотя «захват» не мог являться абсолютно легальным формально-правовым институтом, легитимность его признавалась не только населением, но и представителями власти. Захватное землепользование носило массовый характер и, по мнению ряда авторов, сдерживало развитие капиталистических рынков земли и института частной собственности.

Ещё одним типом формально-правовых институтов являются эксперименты по созданию зон с особым правовым статусом («свободных», «открытых» и т.п.). Подобные эксперименты определённо проводились и на территории современного Дальнего Востока: освобождение от подушной подати и поземельного налога ранних поселенцев; эксперименты с Порто-Франко; особые институты развития современного периода (как программа «Дальневосточный гектар», например – см. статью Н. Рыжовой и др. в этом номере). Однако работали ли они как «экспериментальные площадки», «лаборатории лучших практик», распространялся ли их опыт впоследствии на другие регионы? Какое влияние они оказывали в краткосрочном и долгосрочном периодах на развитие самого региона?

Эксперименты с институтами в социальной сфере. К этой группе экспериментов мы относим миграционные политики по добровольному и насильственному переселению на Дальний Восток и в рамках Дальнего Востока (морское переселение 1880–1890-х гг., переселенческое движение в конце XIX – начале XX вв., принудительные переселения в 1930–1940-х гг., зоны отселения, ГУЛАГ). Начиная с момента подписания Айгунского мирного договора в 1858 г. по сегодняшний день ключевой заботой российского правительства в области освоения дальневосточных территорий является заселение полупустых территорий этого региона. Именно заселение региона интерпретировалось как залог (необходимое условие, основание для) как правомерности геополитических притязаний России на эти территории, так и успешности экономического развития этого региона. При этом, на разных этапах развития в рамках миграционной политики центрального правительства по заселению фронтальных территорий Дальнего Востока использовались разные инструменты, включавшие как добровольное переселение, основанное на материальных (предоставление земли, освобождение от налоговых повинностей и от службы в армии) и нематериальных (свобода вероисповедания) стимулах, так и разные варианты насильственного переселения и отселения. Примерами стимулирования ненасильственных миграций является политика по стимулированию переселения крестьян из малоземельных районов центральной России, Белоруссии и Украины на Дальний Восток в конце XIX и начале XX в., а также политика диффе-

ренцированных заработных плат («дальневосточные надбавки») в позднем Советском Союзе. Примерами насильственного заселения региона могут служить отселения от границы в рамках 100-километровой зоны, ГУЛАГ и военные поселения.

По мнению экономистов, ключевой сложностью в оценке влияния институтов (истории и культуры) на развитие является их эндогенность [24]. Хорошим выходом признается изучение и объяснение результатов «натуральных социальных экспериментов», подобных тем, о которых пишут [10; 11; 22; 33]. Вероятно, РДВ может предоставить большое поле для подобных исследований. Однако объяснение современных особенностей развития Дальнего Востока через прошлые социальные эксперименты (принудительные переселения, комсомольские стройки и т.п.), потребует ещё важного шага – оценки влияния ценностей, убеждений, норм – а, значит, обобщения уже накопленных разными дисциплинами знаний или получения новых.

Литература

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2016.
2. Минакир П.А. Экономика регионов: Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.
3. Грейф А. Институты и путь к современной экономике: уроки средневековой торговли М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 532 с.
4. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с.
5. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск.гос. ун-та, 2004. 552 с.
6. Хилл Ф., Гэдди К.. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России. Изд-во НОФМО, 2007. 330 с.
7. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // *The American Economic Review*. 2001. 91 (5). Pp. 1369–1401.
8. Banerjee A., Iyer L. History, institutions, and economic performance: the legacy of colonial land tenure systems in India // *The American economic review*. 2005. 95 (4). Pp. 1190–1213.
9. Blog by Daron Acemoglu and James Robinson. [Электронный ресурс]. URL: <http://whynationsfail.com/> (дата обращения: 15.10.2017 г.).
10. Bloom D.E., Sachs J.D., Collier P., and Udry Ch. Geography, demography, and economic growth in Africa // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1998. 2. Pp. 207–295.
11. Binmore K., McCarthy J., Ponti G., Samuelson L., Shaked A. A Backward Induction Experiment // *Journal of Economic Theory*. 2002. 104. Pp 48–88.
12. Binswanger H.P. Attitudes toward Risk: Experimental Measurements in Rural India // *American Journal of Agricultural Economics*. 1980. 62. Pp. 395–407.

13. Bowles, S., Gintis H. *State and Class in European Feudalism // Statemaking and Social Movements: Essays in History and Theory*. Charles Bright and Susan Harding, ed. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1984. Pp. 19–51.
14. Chaney E., Hornbeck R. *Malthusian Responses to Demographic Shocks and Extractive Institutions: Evidence from the 1609 Spanish Expulsion of Moriscos// Economic Journal*. 2016. 126 (594). Pp. 1404–1440.
15. Easterly W., Levine R. *Tropics, germs, and crops: the role of endowments in economic development // Journal of Monetary Economics*. 2003. 5. Pp. 3–39.
16. Engerman S. L., Sokoloff K. L. *Colonialism, inequality, and long-run paths of development // National Bureau of Economic Research*. 2005. W11057.
17. Engerman S. L., Sokoloff K. L. *Factor endowments, inequality, and paths of development among new world economics// National Bureau of Economic Research*. 2002. W9259.
18. Engerman S.L. and Sokoloff K.L. *Factor Endowments, Inequality, and Paths of Development Among New World Economic// National Bureau of Economic Research*. 2002. W9259.
19. Gallup, J.L., Sachs, J.D. and Mellinger A.D. *Geography and economic development // NBER Working Paper*. 1998. W6849.
20. Gambetta D. *The Sicilian Mafia: the business of private protection*. Harvard University Press, 1996.
21. Glebov S. *Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s // Ab Imperio*. 2017. 1. Pp. 86–130.
22. Grosfeld I., Rodnyansky A., Zhuravskaya E. *Persistent anti-market culture: A legacy of the Pale of Settlement and of the Holocaust// Working Papers*. 2011. W0145.
23. Huillery E. *History matters: The long-term impact of colonial public investments in French West Africa // American economic journal: applied economics*. 2009. 1 (2). Pp. 176–215.
24. Inglehart R., Baker W.E. *Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // American Sociological Review*. 2000. 2(1). Pp. 19–51.
25. La Porta R., Lopez de Silanes F., Shleifer A, and Vishny R.W. *Law and Finance// Journal of Political Economy*. 1998. 106 (6). Pp. 1113–1155.
26. Michalopoulos S., Papaioannou E. *Divide and Rule or the Rule of the Divided? Evidence from Africa // National Bureau of Economic Research*. 2011. W17184.
27. Michalopoulos S., Papaioannou E. *Pre-Colonial ethnic institutions and contemporary african development // Econometrica*. 2013. 81(1). Pp. 113–152.
28. Nunn N. *The long-term effects of Africa's slave trades //The Quarterly Journal of Economics*. 2008. 123(1). Pp. 139–176.
29. Putterman L., Weil D. N. *Post-1500 population flows and the long-run determinants of economic growth and inequality // The Quarterly journal of economics*. 2010. 125(4). Pp. 1627–1682.
30. Spolaore E., Wacziarg R. *Long-term barriers to the international diffusion of innovations // NBER International Seminar on Macroeconomics*. 2011. Pp. 11–46.
31. Spolaore E., Wacziarg R. *The diffusion of development // The Quarterly Journal of Economics*. 2009. 124(2). Pp. 469–529.
32. Tabellini G. *Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe // Journal of the European Economic Association*. 2010. 8 (4). Pp. 677–716.
33. Voigtländer N., Voth H.-J. *Persecution Perpetuated: The Medieval Origins of Anti-Semitic Violence in Nazi Germany// The Quarterly Journal of Economics*. 2012. 127(3). Pp. 1339–1392.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Adzhemoglu D., Robinson Dzh.A. Pochemu odni strany bogatyje, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishhety. M.: AST, 2016.
2. Minakir P.A. EHkonomika regionov: Dal'nij Vostok. M.: EHkonomika, 2006. 848 s.
3. Grejf A. Instituty i put' k sovremennoj ehkonomie: uroki srednevekovoj trgovli M.: Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2013. 532 s.
4. Nort D., Uollis D., Vajngast B. Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva / Per. s angl. D. Uzlanera, M. Markova, D. Raskova, A. Raskovoj. M.: Izd. Instituta Gajdara, 2011. 480 s.
5. Remnev A.V. Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov. Omsk: Izd-vo Omsk.gos. un-ta, 2004. 552 s.
6. KHill F., Gehddi K. Sibirskoe bremya. Proschyoty sovetskogo planirovaniya i budushhee Rossii. Izd-vo NOFMO, 2007. 330 s.
7. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // *The American Economic Review*. 2001. 91 (5). Pp. 1369–1401.
8. Banerjee A., Iyer L. History, institutions, and economic performance: the legacy of colonial land tenure systems in India // *The American economic review*. 2005. 95 (4). Pp. 1190–1213.
9. Blog by Daron Acemoglu and James Robinson. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://whynationsfail.com/> (data obrashheniya: 15.10.2017 g.).
10. Bloom D.E., Sachs J.D., Collier P., and Udry Ch. Geography, demography, and economic growth in Africa // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1998. 2. Pp. 207–295.
11. Binmore K., McCarthy J., Ponti G., Samuelson L., Shaked A. A Backward Induction Experiment // *Journal of Economic Theory*. 2002. 104. Pp. 48–88.
12. Binswanger H.P. Attitudes toward Risk: Experimental Measurements in Rural India // *American Journal of Agricultural Economics*. 1980. 62. Pp. 395–407.
13. Bowles, S., Gintis H. State and Class in European Feudalism // *Statemaking and Social Movements: Essays in History and Theory*. Charles Bright and Susan Harding, ed. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1984. Pp. 19–51.
14. Chaney E., Hornbeck R. Malthusian Responses to Demographic Shocks and Extractive Institutions: Evidence from the 1609 Spanish Expulsion of Moriscos // *Economic Journal*. 2016. 126 (594). Pp. 1404–1440.
15. Easterly W., Levine R. Tropics, germs, and crops: the role of endowments in economic development // *Journal of Monetary Economics*. 2003. 5. Pp. 3–39.
16. Engerman S. L., Sokoloff K. L. Colonialism, inequality, and long-run paths of development // *National Bureau of Economic Research*. 2005. W11057.
17. Engerman S. L., Sokoloff K. L. Factor endowments, inequality, and paths of development among new world economics // *National Bureau of Economic Research*. 2002. W9259.
18. Engerman S.L. and Sokoloff K.L. Factor Endowments, Inequality, and Paths of Development Among New World Economic // *National Bureau of Economic Research*. 2002. W9259.
19. Gallup, J.L., Sachs, J.D. and Mellinger A.D. Geography and economic development // *NBER Working Paper*. 1998. W6849.
20. Gambetta D. *The Sicilian Mafia: the business of private protection*. Harvard University Press, 1996.
21. Glebov S. Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s // *Ab Imperio*. 2017. 1. Pp. 86–130.
22. Grosfeld I., Rodnyansky A., Zhuravskaya E. Persistent anti-market culture: A legacy of the Pale of Settlement and of the Holocaust // *Working Papers*. 2011. W0145.

23. Huillery E. History matters: The long-term impact of colonial public investments in French West Africa // *American economic journal: applied economics*. 2009. 1 (2). Pp. 176–215.
24. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // *American Sociological Review*. 2000. 2(1). Pp. 19–51.
25. La Porta R., Lopez de Silanes F., Shleifer A, and Vishny R.W. Law and Finance // *Journal of Political Economy*. 1998. 106 (6). Pp. 1113–1155.
26. Michalopoulos S., Papaioannou E. Divide and Rule or the Rule of the Divided? Evidence from Africa // *National Bureau of Economic Research*. 2011. W17184.
27. Michalopoulos S., Papaioannou E. Pre-Colonial ethnic institutions and contemporary african development // *Econometrica*. 2013. 81(1). Pp. 113–152.
28. Nunn N. The long-term effects of Africa's slave trades // *The Quarterly Journal of Economics*. 2008. 123(1). Pp. 139–176.
29. Putterman L., Weil D. N. Post-1500 population flows and the long-run determinants of economic growth and inequality // *The Quarterly journal of economics*. 2010. 125(4). Pp. 1627–1682.
30. Spolaore E., Wacziarg R. Long-term barriers to the international diffusion of innovations // *NBER International Seminar on Macroeconomics*. 2011. Pp. 11–46.
31. Spolaore E., Wacziarg R. The diffusion of development // *The Quarterly Journal of Economics*. 2009. 124(2). Pp. 469–529.
32. Tabellini G. Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe // *Journal of the European Economic Association*. 2010. 8 (4). Pp. 677–716.
33. Voigtländer N., Voth H.-J. Persecution Perpetuated: The Medieval Origins of Anti-Semitic Violence in Nazi Germany // *The Quarterly Journal of Economics*. 2012. 127(3). Pp. 1339–1392.